

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ИЗЪЯТИЯ ЦЕРКОВНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В 1920-Е ГГ. В ПЕНЗЕНСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ

М. Ю. САДЫРОВА

*ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры
и строительства», г. Пенза, Россия*

Смена монархии диктатурой пролетариата привела не только к политическому переустройству государства. Новый строй принёс с собой новую идеологию, которая начинала внедряться в социальную жизнь, сметая и разрушая прежние традиционные духовные ценности.

На первый взгляд, декларирование демократических прав и свобод, в том числе и свободы совести, было призвано способствовать дальнейшей эмансипации некогда порабощённого народа. Однако то ожесточение, с которым большевики обрушились на религию и церковь, заставляет усомниться в совпадении формальных деклараций и реальных устремлений власти.

Первые декреты, ознаменовавшие наступление на церковь, были обнародованы осенью – зимой 1917 г. Так, согласно Декрету о земле от 26 октября 1917 г., церковь в целом, а вместе с ней и монастыри, и приходское духовенство лишались собственности на землю.

Затем 11 декабря 1917 г. появляется распоряжение о передаче всех церковных школ в Комиссариат просвещения, что лишало церковь всех семинарий, училищ, академий и всего связанного с ними имущества. Декрет от 20 января 1918 г. о свободе совести, церковных и религиозных обществах лишал религиозные организации права собственности. Всё имущество и денежные накопления церкви объявлялись народным достоянием. В мае того же года Совнарком РСФСР образовал при Наркомате юстиции, губернских советах и комиссариатах юстиции отделы по проведению в жизнь декрета по отделению церкви от государства и школы от церкви. Циркуляром № 355 от 19 июня 1919 г. вся эта работа в уездах была возложена на местные исполкомы, однако при этом умалчивалось об организации специальных отделов или подотделов. У местных же исполкомов не было ни средств, ни опыта, ни должной организации работы. В связи с таким положением дел договоры, подписанные с религиозными общинами о пользовании храмами и храмовым имуществом, как это и предписывалось декретом, стали поступать в губернский отдел юстиции только к началу 1920 г. Прихожане, подписавшие договор, обязаны были беречь, сохранять, возмещать церковное имущество. Это религиозное общество не имело права юридического лица. Благотворительная и просветительная деятельность ему воспрещались. При подписании договора надлежало сверить имущество по описям 1917 г. Требуя неукоснительного подписания договоров с религиозными обществами, государственная власть в это же время проявляет беспокойство об общем настроении народных масс и их отношении к проводимой антицерковной политике. Во все уездные исполкомы было разослано предписание представить информацию с мест [10, с. 17–18]. Опасения имели под собой веское основание: на практике реализация демократических свобод превращалась

в требование «утилизации» церковного имущества и, в первую очередь, храмов. Сложно представить более серьёзную угрозу для сохранения структур крестьянской повседневности, где храм играл ключевое, объединяющее значение [11, с. 150].

Можно предположить, что в первую очередь негативную реакцию населения вызовут статьи декрета о национализации церковной собственности («утилизации храмов») и об отказе признать за церковью и религиозными объединениями прав юридического лица [9, с. 29]. В частности, по данным Пензенского губисполкома, полученных путём анкетирования, жители различных уездов отнеслись к использованию храмов для общегосударственных нужд «враждебно», «отрицательно», «недоброжелательно», «против этого», «весьма несочувственно» и, в редких случаях, «безразлично» [4]. Так, Саранский отдел управления в своём сообщении губисполкому от 15 апреля 1920 г. констатировал: «Население в общем за исключением может быть 1 % или 2 % в своих религиозных убеждениях очень стойко и нужно полагать едва ли индифферентно отнесётся к утилизации хотя бы одного храма, стоящего даже на самой окраине» [4, л. 52]. Из донесения Керенского отдела управления следует: «Отношение к утилизации церквей можно сказать будет враждебное, так как прилегающие слободы к городу составляет крестьянское население, которое... ясно будет против утилизации...». Тем не менее, Керенский отдел управления отмечал, что «посещаемость (храмов) молодёжи заметно понижается за последнее время, когда декрет об отделении церкви от государства принял правительственную форму» [4, л. 58].

В связи с массовым закрытием церквей и монастырей в Совнарком начали поступать письма с жалобами верующих [1, с. 55]. Помимо указанных действий населения, направленных против проведения декрета в жизнь, были случаи массовых крестных ходов и богослужений в поддержку церкви [8, с. 12].

В Пензе 2 февраля 1918 г. в ответ на решение местного отдела губкома о закрытии Пензенского епархиального училища по инициативе священников и прихожан было задумано провести общенародное моление о церкви. Со всех церквей города к его центру, к Спасскому Кафедральному собору, двинулись крестные ходы празднично одетых людей с иконами и хоругвями. Шли целыми семьями. Соборная площадь встретила их ружейными залпами, пока ещё холостыми. Началась паника, все бросились по единственному оставленному им пути – вниз по Московской улице. Побитых и искалеченных не считал никто [2, с. 2].

По свидетельству И. Д. Савиновой, за пять лет после выхода декрета были закрыты в основном домашние церкви и монастыри, до приходских храмов дело пока не дошло [10, с. 18]. На местах многие должностные лица руководствовались разъяснением VIII отдела НКЮ, от апреля 1918 г. о том, что коль скоро всё имущество монастырей в соответствии с декретом СНК от 23 января переходит в ведение Советов, то и сами монастыри прекращают свою деятельность. В 1920 г., выступая с отчётом о деятельности своего подразделения на VIII Всероссийском съезде Советов, П. А. Красиков с гордостью заявит: «VIII отдел поставил перед собой задачу полного уничтожения монастырей как рассадников паразитизма... К настоящему времени ликвидировано 673 монастыря» [1, с. 56].

Интересно, что значение храма в организации социокультурного пространства православного населения признавалось и местными властями, хотя и не в

явно выраженной форме. Предпринимались даже попытки встроить это значение в советскую реальность. Так, в октябре 1919 г. Чембарский городской совет (Пензенская губ.) обратился в уездный ВРК с ходатайством о разрешении колокольного звона во время пожаров, хотя, разумеется, религиозная мотивировка отсутствовала [5].

В то же время имеются и свидетельства пассивного отношения сельчан к положениям декрета. В частности, в ответах на вопрос «Каково отношение населения к церковной реформе», полученных в ходе анкетирования, проводимого исполкомом Саратовского губсовета, содержались сведения следующего характера: «равнодушное» (в двух анкетах), «молчаливое» (1), «удовлетворительное» (1), «халатное» (1), «доброжелательное» (1), «беспокойное» (1), «к православной церкви отношение коллективов верующих усердное» (1) [6, л. 6–14]. Из 11 анкет, присланных в Пензенский губисполком из разных уездов, в 7 анкетах ответы на тот же вопрос указывали на безразличное отношение местного населения к реформе [4]. Можно предположить, что это прямое следствие секуляризации, и чаша весов склонилась в пользу «власть имущих». Но скорее всего верующие столкнулись с определённым противоречием. В крестьянских приговорах церковная реформа чаще всего предполагала перевод священников на казённое жалование, а новая власть требовала подписания договоров об использовании имущества прихожанами. Изменения организации культовой практики были непонятны и поэтому порождали чувство тревоги и страха у прихожан, осведомлённость местных советских и партийных работников в этом вопросе тоже была достаточно сомнительна.

Так, из докладов агитаторов Саратовского губкома РКП (б) за 1919 г. о проведении агитационно-политической работы в уездах, следует: «Ни комиссия по отделению, ни местные коммунисты, несмотря на продолжительность времени со дня издания закона по этому вопросу, никто не объяснил крестьянам значения отделения» [3, л. 5]. К тому же сами крестьяне, в силу своего невежества, объективно не могли понять сути декрета. В газете «Известия» от 10 марта 1918 г. было опубликовано письмо из Самарской губернии, где сообщалось, что в ответ на прочитанную на сельском собрании лекцию под названием «Отделение церкви от государства», один крестьянин «от имени собрания с благодарностью как прочитавшему лекцию, так и Советской власти», сказал, что «последняя сделала для истинной христовой церкви такое хорошее дело, освободив её от ига светской власти» [12, с. 7]. Более того, и из среды духовенства, прежде всего низшего, исходила позиция в поддержку декрета. Об этом свидетельствует одно из множества опубликованных в газете «Знамя Христа», издававшейся в январе–апреле

1918 г., писем священников: «...Наш долг, наша обязанность не возбуждать тёмные массы, не творить тех бунтов, которых в России и так немало, а выяснять всем и каждому, что ...отделение Церкви от государства и другие декреты в связи с этим нисколько не унижают христианства...Когда всмотришься внимательно во всё происходящее, то невольно поднимается вопрос: от кого и от чего наши иерархи призывают спасать христову веру?». Особенно много подобные письма печатали, сопровождая разъяснениями от имени редакции или комментариями, в газетах «Беднота», «Известия», журнале «Революция

и церковь» [9, с. 29]. Несомненно, указанное обстоятельство, в свою очередь, также можно рассматривать в качестве фактора, определявшего настроения крестьян в отношении положений декрета.

Часто основным доводом для закрытия храмов называлось нежелание верующих брать церковные здания в пользование [10, с. 24]. В частности, в отчётах Саратовского губисполкома о деятельности стола по отделению церкви от государства за 1923–1924 гг. содержатся сведения о таких формах сопротивления исполнению декрета со стороны коллективов верующих, как «неуплата налогов со строений в Губфинотдел», «неисполнение обязательного постановления о страховании церквей», «расхищение церковного имущества», «непредоставление сведений и нерегистрация учреждений», «неуплата налога за аренду земли под храмами», «неисполнение обязательного постановления о страховании церквей», «растрата и бесхозяйственное содержание имущества» [7, л. 14–17]. Из отчётов также следует, что внедрению декрета препятствуют: «отсутствие средств на местах», «отсутствие комиссии по проверке, оценке церковного имущества», не учёт «храмов и молитвенных домов по уездам», «слабая связь с местами, отсутствие на местах руководящих распоряжений Центра, отсутствие средств, мешающее производству оценки и учёта церковного имущества по губернии», нехватка «руководства в смысле надзора за деятельностью обществ, вследствие чего надзор проводится слабо» [7, л. 16–18]. Но этому нежеланию выполнять декрет имеется простое объяснение: предстояло не только иметь средства на физическое содержание храмов, но и выплачивать высокий налог за аренду и не менее высокую страховую сумму. Верующие попадали в заведомо неприемлемые экономические условия и вынуждены были отказываться от своих церквей [10, с. 24]. Кроме того, не следует забывать о правовом нигилизме и неразвитости правового сознания крестьянства, что бесспорно будет серьёзным препятствием на пути реализации законодательства, но отнюдь не скажется на религиозной ориентации населения.

Литература

1. Алексеев, А. В. Иллюзии и догмы / А. В. Алексеев. – М. : Политиздат, 1991. – 400 с.
2. Вержбовский, В. «Отказаться от Бога и церкви мы не можем...» (Из истории церкви в Пензенской области) / В. Вержбовский // Пензенские вести. – 1996. – 2 октября. – С. 2.
3. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 366.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. р-2. – Оп. 4. – Д. 170.
5. ГАПО. – Ф. р-2. – Оп. 1. – Д. 563.
6. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). – Ф. Р-456. – Оп. 1. – Д. 922.
7. ГАСО. – Ф. Р-385. – Оп. 1. – Д. 1.
8. Одинцов, М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.) / М. И. Одинцов. – М. : Знание, 1991. – 64 с.

9. Одинцов, С. М. Крестный путь патриарха Сергия / С. М. Одинцов // Наука и религия. – 1997. – № 9. – С. 28–31.

10. Савинова И. Д. Лихолетье. Историческое исследование (приложение к журналу «Чело») / И. Д. Савинова. – Новгород, 1998. – 112 с.

11 Садырова, М. Ю. Религия и церковь в повседневной жизни русского крестьянства в конце XIX – первой трети XX вв. (по материалам Пензенской и Саратовской губерний): дисс. канд. истор. наук: 07.00.02 / М. Ю. Садырова. – Самара, 2010. – 276 с.

12. Шамаро, А. На переломе / А. Шамаро // Наука и религия. – 1978. – № 1. – С. 6–7.

В статье дается оценка результативности антирелигиозной политики Советского государства по национализации церковной собственности после издания Декрета о свободе совести, церковных и религиозных обществах. Очевидно, что провести декрет в жизнь с ходу не удалось, прежде всего, потому что против него выступило многомиллионное крестьянство, воспринявшее декрет, как попытку «обмирщения» своего традиционного уклада жизни, как ломку незыблемых, в том числе и в силу освящения их православными канонами и догмами, устоев «жизни по вере».

The article assesses the impact of the anti-religious policy of the Soviet State on the nationalization of church property after the publication of the Decree on Freedom of Conscience, Church and Religious Societies. It is obvious that it was not possible to put the decree into practice with the move, first of all, because it was opposed by the multi-million-dollar peasants, who accepted the decree as an attempt to "faint" their traditional way of life, as a fragment of the immutable, including because of their consecration by Orthodox canons and dogmas, the foundations of "life by faith."